

— Но все-таки... Такъ привести вамъ Виктора Гюго?

— Пожалуй, привезите.

— Непремѣнно! Я бы и теперь привезъ, но я потрясенъ ужасно нѣкоторыми событіями!—заклучилъ онъ въ волненіи.

Лена молчала, внимательно разсматривая тоненькія розовыя жилки на бѣломъ цвѣтѣ яблони.

— Какіе есть эгоистичные люди, Елена Антоновна! — продолжалъ Жоржъ, не дождавшись отвѣта.—Для нихъ все составляютъ деньги; ради денегъ, они эксплуатируютъ чужое счастье... можетъ быть, самыя святыя чувства... Вы какъ объ этомъ думаете, Елена Антоновна?

— Я, право, не знаю... Вы привезите, я сама прочту...

Вся кровь хлынула Жоржу въ лицо. Ему вдругъ стало душно. Онъ снялъ фуражку и, неизвестно для чего, сталъ ерошить волосы.

— Я про себя теперь говорю, Елена Антоновна! — заговорилъ онъ.—Вотъ видите ли... они хотятъ меня женить на Фирсовой... Но я вовсе не хочу. Пусть на ней женится вашъ братъ, — а я люблю другую. Встрѣтивъ однажды на своемъ пути одного прекраснаго ангела, я всю душу свою желаю отдать въ его бѣлоснѣжныя крылья... т.-е. нѣтъ... Ну да, разумѣется! И... однимъ словомъ, „я васъ люблю, — къ чему лукавить?“... совершенно неожиданно заключилъ Жоржъ и, самъ испугавшись своихъ словъ, поспѣшно вскочилъ съ скамейки.

Лена подняла глаза и въ удивленіи глядѣла на него, какъ бы плохо понимая, о чемъ онъ говорить.

— Ну, такъ что же, Елена Антоновна?—задыхаясь, продолжалъ Жоржъ.—Какъ же теперь... Что вы мнѣ отвѣтите? Согласны ли вы будете раздѣлить со мною жизненный путь? Я люблю васъ такъ, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ. Обопри-тесь же на мою руку—и...

Тутъ только Лена поняла, наконецъ, въ чемъ дѣло. Яркій румянецъ залилъ ея лицо; въ испугѣ вскочила она съ мѣста и, оставивъ книгу на скамейкѣ, бросилась въ кусты.

Жоржъ стоялъ ошеломленный. Онъ никакъ не ожидалъ этого; ему почему-то казалось, что Лена непременно должна принять его предложеніе. Тысячу разъ на тысячу ладовъ онъ варьировалъ въ мечтахъ своихъ сцену объясненія въ любви, но никогда не представлялъ себѣ, что сцена эта кончится отказомъ или бѣгствомъ Лены. Напротивъ, онъ неизмѣнно представлялъ себѣ, какъ Лена робко скажетъ „да“ и протянетъ ему руку, а онъ, по-рыцарски, опустится предъ нею на колѣни и покроетъ жаркими поцѣлуями эту милую ручку...